

Вечернее

*...И падали в траву со стуком яблоки,
И сонно вскрикивали птицы в полусне.*

К. Некрасова

1.

На веранде пахнет мятой и чабрецом,
Остывающим прошлым, и ночью веет в лицо,
И тепло клубится яблоневый уют,
Образуя сень, что гладит главу мою
И последним холодом дышит из глубины
Опустевшего сада, где ели едва видны,
Что посажены дедом полвека тому назад,
Оттого и под веком невыпавшая слеза.
И молочный призрак августовской луны,
Покачнувшись, запутается в кроне сосны.

...А мошкá над лампой выстраивается столбцом,
Осыпаясь на лист тетрадный—словцо за словцом.

2.

Позёмку подволакивая ржавую
Осыпавшейся хвой,
Здесь сумерки кустятся запоздалые,
Дыша покоем.
Они же заплетают канителью
Забора остов
И умирают под косматой елью
В покрове пёстром.
В саду густеет воздух, наплывая
Ночным приливом,
Соседка в доме ставни закрывает
Неторопливо.
И стуком яблок полон сад—
И воздыханьем,
И пряно тлеет аромат
Воспоминаний.

3.

И простирает тёплые крыла
Над старой крышей дедовской усадьбы
Покой вечерний,
на траву легла
Огромной тенью старая ветла,
Что у калитки вечно стерегла,
Ждала домой, когда пекла оладьи
Бабуля в летней кухне для меня
На склоне остывающего дня.

4.

И на столе дышало росным лугом
Парное молоко вечерней дойки
С душистой пеной, свято сохраняя
Тепло боков коровьих, тихий звон
Росы вечерней и усталость рук,
Которые оглаживали вымя
Кормилицы Беляны перед тем,
Как зазвенят серебряные струи
В подойник голубой наперебой...

5.

Так быть могло, но мне не довелось
Увидеть вживе бабушку и деда:
Благословенный яблочный уют,
Покой вечерний дедовой усадьбы
И гулкий стук упавшей боровинки
Лишь снились мне, когда седой отец
Рассказывал о довоенном детстве:
Как обморочно-сладко на веранде
Под вышитым узорным полотенцем
Дышал огромный яблочный пирог,
И две осы кружились, и взлетали,
И взвизгивали, злясь, что не добраться
До сладостной добычи, как в саду
Сдавалась гнили паданка-грушовка—
И пряно тлеет подгнивших листьев ворох,
И ночью тихо веяло в лицо...
Так быть могло, когда б родные братья
(Отец был младшим) не вошли в раздор
Надолго, меж собой деля наследство.
И дедов дом, и дивный старый сад—
Продали всё и поделили деньги,
Но почему-то младшего в обиде
Оставили.

С тех пор отец не ездил
На родину и горько вспоминал
О том, как густо пахло на веранде
Счастливым прошлым,
яблоками детства...

Послеснежие

Уюта—нет. Покоя—нет.

А. Блок

Прильнуть к теплу. Смотреть, как ворожит
Над пропастью кварталов снег последний,
Как меряет беспечно этажи—
Воскресных снов тишайший заповедник.
Прильнуть к теплу, остаться за стеклом
И пристально читать слова чужие—
И знать, что там, в покое потайном,
На месте падежи и запятые...
Но безъязыко завопит сосед
С утра пораньше, маясь с похмелюги,—
И прав поэт: опять покоя нет,
Уюта—нет, и вынырнешь в ответ
Из блоковой тоски и синей вьюги—
И выползешь во двор, в последний снег—
Где кружат падежи и запятые,
И где за пивом семенит сосед,
И где другой глядит ему вослед,
Почёсывая раны боевые.

Снег падает, а человек выходит.

О. Горошкина

Снег падает, а человек выходит
На Божий свет, сжимая кулачки,
Непримирим, суров, инопороден—
Умильным ожиданиям вопреки.

Снег падает, а человек выходит
В открытый космос выходного дня,
Одет легко, отнюдь не по погоде,—
и падает опять на гололёде,
себя, чертей и дворника кляня.

Он падает в непознанную бездну—
И снег его выносит на просвет,
Он падает, слепой и бесполезный,
Поэт никчёмный, гражданин безвестный—
Ни счёта в банке, ни прописки нет.

Снег падает, и грубо жмут ботинки,
На рынке обрётённые вчера,
А он намерен вытоптать тропинку
Из тишины заброшенной глубинки—
Как минимум на гору Арарат.

Снег падает, а он стоит в сторонке
И мелочь зажимает в кулачке—
Под кровом остеклённой остановки,
Непримиримый, сумрачный, неловкий,—
Над бездною вися на волоске.

Стихов никчёмных безрассудный рой
Над головою непокрытой кружит...
Как в детстве: рот открой, глаза закрой—
И на язык поймаешь пару дюжин
Ненужных слов-снежинок... и пока
В раю оконном тают облака,
Пытай неспешно глубину предсердий
И вслух—к недоумению соседей—
Своди случайно и наверняка
Созвучия в пожизненной беседе.

Из цикла «Ежевесеннее»

Жизнь упрощается до четырёх стен,
До пары втиснутых в тесную печь полен,
До голых окон, затянутых синевой
Внезапной ночи, где плавится дальний вой
Твоей электрички, а может, под шапкой мглы
Жизнь истончается до голубой иглы
Далёкой звезды, вливающей в твой зрачок
Вселенское всезабвение, а ещё
Жизнь уплощается до тоненького листка,
Свёрнутого вчетверо (просвечивает слово «пока»)..
Жизнь укрощается до тихой мольбы в глазах
Девочки, в небо шепчущей: «О Аллах...»

Где невесомый день, несомый сонным смогом,
Плывёт за окоём, ничем не окрылён,
На птичьей высоте, в гнезде своём убогом,
Ты перья очини, склоняясь над столом,—
О жизнь на сквозняке!—взъерошена, тщедушна—
Неловко притулясь, вися на коготке,—
Вся в золотой пыли, наитию послушна,
Всё шепчешь и поёшь на птичьем языке.
И, погрузив перо в туман молочно-сладкий
И трепетно держась невидимой строки,
Рассыплешь там и сям в чудесном беспорядке
Овалы и штрихи, кружки и завитки...

Келейки клейкие покинув,
Впивает устьицами синь
Лист тополиный. Опрокинут
Над ним шатёр земных святынь.
И, околдован бездной звездной
И тополиным мёдом пьян,
Бродяга местный—пёс облезлый—
Один во храме поднебесном
Весенним мраком осиян.
И на лице его застыли,
Упав с заоблачных ветвей,
Не то крупницы звёздной пыли,
Не то чешуйки топей.